

гии и была, слѣдовательно, готовая почва для обрядоваго фанатизма и суевѣрія «буквалистовъ». Неодолимое упорство раскола было именно дѣломъ такого фанатизма, отъ котораго несвободны были и самые обличители; суровыя полицейскія мѣры, принимавшіяся противъ раскола, только увеличивали разстояніе между двумя сторонами. Несомнѣнное распространеніе раскола, совершавшееся наперекоръ всѣмъ гоненіямъ, объясняло, какъ онъ могъ и въ началѣ распространяться въ неудовлетворенныхъ церковью и смущенныхъ массахъ, и вмѣстѣ указывало, что и въ настоящую минуту умственная и нравственно-религіозная жизнь народа стойтъ въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ: эти условія облегчали пропаганду и производили новыя секты, иногда крайне превратнаго свойства.

Во всякомъ случаѣ, расколъ былъ однимъ изъ наибольшихъ и печальныхъ недоразумѣній между народомъ, съ одной стороны, и государствомъ и церковью, съ другой. Къ послѣднимъ расколъ относился съ явнымъ отрицаніемъ: въ ихъ власти онъ увидѣлъ господство антихриста. Инымъ показалось, что на этомъ основаніи расколъ есть не только протестъ бытовой и политическій въ XVII-XVIII-мъ вѣкахъ, но представляетъ и въ настоящее время извѣстную политическую силу, противную существующему порядку: въ этомъ смыслѣ фантазировалъ въ особенности Кельсіевъ во время своего заграничнаго агитаторства ¹⁾.

¹⁾ Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Кіевской Старина“ г. Лѣсковъ, сколько мы думаемъ, извелъ совершенную небланицу на покойнаго Щапова, приписавши ему — въ его отсутствіе въ семь мѣсѣ — едва ли существовавшія дѣянія, предусмотрѣнная въ уголовномъ законодательствѣ. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей, упомянувъ о томъ, что въ прежнее, еще не очень давнее время „большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквоѣдовъ (старообрядцевъ) какъ на политическихъ злоумышленниковъ и во всякомъ случаѣ недруговъ царскихъ“, — г. Лѣсковъ продолжаетъ: „этого не избѣгали наши старинные законовѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Щапова, который принесть своими мечтательными изъясненіями существенный вредъ нѣжко любимому имъ расколу“ („Кіевская Старина“, 1883, февр., стр. 267). Далѣе, г. Лѣсковъ опять возвращается къ „пустымъ и вреднымъ мнѣніямъ Щапова“, который будто бы „стоялъ горой“ за „политическія задачи, которыя будто бы скрытно содержитъ нашъ русскій расколъ“, и будто бы „уверилъ въ томъ даже Герцева“; послѣ чего г. Лѣсковъ передаетъ какіе-то темныя слухи о „крайней лѣвой фракціи“, объ успѣхѣ Щапова въ петербургскомъ литературномъ кругу, восхваляетъ глубокія познанія Павла Ивановича Мельникова и т. п. (тамъ же, мартъ, стр. 521—522). Сравнившись съ біографіей Щапова, написанной проф. Аристовымъ, близко его знавшимъ, мы убѣждаемся, что сказанное г. Лѣсковымъ о сношеніяхъ Щапова съ Герценомъ есть слухи, опровергаемые фактами (см. книгу Аристова, стр. 74, и о доносахъ Начипоренки, стр. 93). — г. Лѣсковъ поступаетъ здѣсь на подобіе того, какъ его авторитетъ, богатый позна-